

крупного рогатого скота и не затоптало своими копытами столь нежное существо.

Мы принесли его домой. Сколько же радости он доставил всем! Отец наш на Дальнем Востоке не охотился, и до того времени мы косуль на очень близком расстоянии не видели. А здесь совсем рядом: бери в руки и держи, если хочешь.

Вначале козлёнок был пуглив. Но уже на второй день стал понимать человеческую ласку, взял своими губами соску с молоком.

Нашу жизнь это беззащитное существо превратило в сплошной праздник. Мы проводили большую часть свободного времени возле сооружённого из тонких жердей загончика. Козлёнок ждал нас, охотно брал из наших рук капустный или свекольный лист, пил теперь уже из мисочки молоко и резвился в загончике.

Так мы ухаживали за ним не один месяц. За это время козлёнок достиг подросткового возраста, привык к нам и одомашнился. Мы стали выпускать его из загончика в наш просторный, покрытый зелёной травой двор. Первое время боялись, не убежит ли в лес. Но о побеге он, похоже, и не помышлял. Мы стали выпускать его за калитку, но он, постояв за забором две-три минуты, забежал снова во двор и резвился вместе с детьми.

Наступила глубокая осень, и мы стали размышлять над судьбой уже почти зрелой косули. Кто-то из со-

седей посоветовал резать её на мясо, обосновывая это тем, что одомашненная коза, выпущенная в тайгу, не сможет приспособиться к новым условиям и погибнет или станет лёгкой добычей охотников или жертвой хищников – волков. Но это дикое предложение потрясло всех нас и было отвергнуто.

Мы решили отпустить на волю нашу воспитанницу. Вывели её за огороды подальше от людей и от нашего двора, но уже через полчаса косулька стояла у калитки, нетерпеливо ожидая, чтобы её поскорее выпустили. Сколько счастья было в наших глазах!

При всей своей занятости в дело вмешался отец. Он увёл нашу любимицу далеко в лес, за самое дальнее поле и оставил её там.

Больше её мы никогда не видели, и судьба косули нам неизвестна.

А по селу поползли разговоры, что мы зарезали таёжную гостью на мясо. Распространяли их неумные люди. Вот уж чего мы не могли сделать, так это погубить любимое существо своими руками.

Дольше всех по козочке скучала самая младшая сестра. И мы её успокаивали вероятностью благополучного исхода нашей маленькой истории с полюбившейся всем козочкой. До сих пор она стоит в моих глазах живая, стройная, оранжевая... Такая красивая и милая.

Гульчера БЫКОВА

От редакции. С творчеством Гульчеры Быковой читатели альманаха знакомы давно и хорошо. И на этот раз мы представляем текст, написанный в жанре любимого поклонникам её прозы автобиографического рассказа.

Ах, платки, платки...

Рассказ

Вот люблю павловопосадские платки! Ну просто обожаю держать это чудо в руках, любоваться на рисунок, что в каждом платке свой, художником сотворённый и в тончайшем шерстяном полотне воссозданный. Засмотришься на него, погладишь, к лицу прижмёшь, а от него тепло такое – живое, трепетное, ласковое. И свет – чудный, словно неземной. И хорошо так на душе становится. И настроение поднимается. И жить хочется! И лето жаркое на помине. А уж глазам – настоящий праздник!

Спрашивается: с чего бы мне цветным полушалкам радоваться? Ведь ношу зимой меховой берет или шапочки. А вот поди ж ты, есть такой грех, и ничего с собой поделать не могу. Ну зачем, спрашивается, мне полыхающая цветами шаль? Разве что на плечи наки-

нуть пасмурным зимним днём, когда в помещении зябко, а на душе тоскливо? Так и делают иные женщины. И замечаю – окружающим радостнее, и взгляды теплеют, и улыбок больше вокруг. И всё это – из-за банального куска шерстяной ткани? Прямо загадка природы! Я, современная деловая женщина, не равнодушна к платкам, а уж о маме и говорить нечего. Для неё павловский платок так и остался несбыточной мечтой...

Прочитала об этих платках всё, что смогла разыскать. Оказывается, невесте на Руси в приданое несколько платков полагалось. На все случаи жизни. Понятно, в шальях сначала щеголяли знатные барыни, потому что простолодинкам такая роскошь была не по карману. Но постепенно платок становился непременным элементом русского костюма – дворянского, а позже купеческого и

крестьянского. Особенно широкое распространение началось с середины XIX века, когда появились платки и шали с набивными узорами.

В 1850 году их начали ткать в небольшом подмосковном городе Павловский Посад. Купцы Лабзин и Грязнов пригласили талантливых художников и лучших ткачей, соединив народное искусство и фабричное производство. Что тут началось! Уже через десять лет павловские платки полюбили не только россиянкам. В Париже заговорили о русском чуде. Императрица Александра Петровна милостиво разрешила использовать на вывеске фабрики своё имя. И ей хвала, и купцам выгода! Фабрика награждается медалями Всероссийских выставок. Павловский платок стремительно завоёвывает сердца, головы и плечи россиянок.

Хороша Россия-матушка лесами да лугами, а уж цветов в них – глядеть не наглядеться! Не потому ли у нас к ним особое отношение? Изображать цветы на головных платках всегда любили в России, хотя не меньшей популярностью пользовались изделия с «турецким» узором, стиль которых восходит к восточным шалям. Изображениями цветов декорировали фарфор, жостовские подносы, лаковые шкатулки, их стали включать в роспись интерьеров. Украшая платки розами и георгинами, павловские мастера, конечно, следовали вкусам времени.

Смешно, но факт: с середины 1920-х годов на платках появились рисунки на темы революции и социалистического преобразования страны. Выглядели они, конечно, убого по сравнению с тем, к чему привыкли русские женщины. Не удивительно, что спрос на такие платки резко упал, и очень скоро мастера вернулись к традиционным цветочным узорам.

Неоднократно русские платки экспонировались на многочисленных отечественных и зарубежных выставках, а в 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе были удостоены Большой золотой медали. И сегодня павловский платок является не только визитной карточкой подмосковного городка, но и символом русского народного искусства. И мечтой истинной россиянки.

Мне всегда хотелось побывать в этом самом Посаде, ну и, конечно, в Москве. Красавицу-столицу своими глазами увидеть. В Ленинке позаниматься. По Кремлю походить. Заодно и настоящий русский платок купить! Мечтать не вредно, особенно если полжизни по глухим городкам на задворках Российской империи помотался. А тут ещё в семье всё наперекосяк пошло. Муж связался с такой прохиндейкой, что и сам не рад, да уже под каблуком и почти раздавлен. И семью на закланье отдал. Как во все времена с предателями поступали? Их презирали! А ещё расстреливали без суда и следствия! Жаль, пистолета нет! От мерзавцев избавлялись – и правильно делали!

Беда не приходит одна. В онкологию на учёт поставили. Не всё безнадежно, – сказали. Лечиться надо и на лучшее надеяться. А тут ещё операция на почке. И всё вроде благополучно закончилось, а шов болит, ноет, хоть плачь! Терпеть надо, сказали ещё раз. Одна радость – сыновья. Это не мало! Ради них можно стыд-срам претерпеть и предательство пережить.

Поплакала, погоревала. Стоп, хватит! Так... Что делать? Жить надо! Всем негодьям наперекор! Кардинально изменить всё, то есть начать с чистого листа! Плюнуть и растереть! Особенно на изменщика подлого! Не на нём свет клином! К тому же уныние – один из семи смертных грехов. И Бог создал нас по образу и подобию своему не для того, чтобы в тоску впадать. А у меня, каюсь, было и такое.

Нет худа без добра. Всё, что ни делается, к лучшему! Думала-думала – и надумала: а поеду-ка я в Москву да разгоню тоску! В академическую аспирантуру. Почему бы нет? Не так уж у меня всё плохо. Не я ли мечтала родить троих сыновей? Не я ли хотела в вузе работать? Преподаю же! Правда, это громко сказано – всего лишь ассистент, пока только практические занятия веду. Ну и что? Ведь я почти у цели! Главное – руководителя найти да тему диссертации определить. А всё остальное – от меня зависит. И если уж в себя не верить, то на кого тогда положиться можно? Сама себя я точно не предаю!

Задумала ещё: если в Москве в самых старинных храмах перед самыми древними иконами помолюсь, то выздоровею. И просить решила не за себя. За детей. Чтобы они не осиротели. Не обо мне речь – о троих сыновьях. Бог троицу любит, заступится, не даст в обиду! При этом, как бы между прочим, мелькнул перед взором чудный павловский платок. Сомнений нет – уж там-то, в столице, они, конечно, дешевле. Ведь знаменитый на весь мир Павловский Посад находится под Москвой. Про иностранцев как-то не подумала.

Приехала. Руководителя нашла – лучше не надо! С темой определилась. Жадно припала к первоисточникам. Головы не поднимаю в Ленинке, то есть в Российской государственной библиотеке – одной из лучших не только в стране, но и в мире. Времени в обрез – надо как можно больше прочитать! Где я в своей провинции эти уникальные учебники да монографии достану? Сидела бы ночами, да жаль – библиотека не круглосуточно работает. После закрытия в гостиницу возвращаться рано. Вот и гуляю по Кремлю, как мечтала, гидов слушаю, на туристов глазею.

Чуть в сторону от Красной площади – торговые ряды для иностранцев. Какой только красоты здесь нет, глаз не отвести: филимоновские и дымковские игрушки, матрёшки, камнерезные изделия, белоснежные вологодские кружева, лаковые миниатюры, хохлома, гжель и, конечно, роскошные павловские платки. Ну-ка, ну-ка, сколько стоят? Фи... и всего-то? Да по таким ценам мешок платков можно набрать! Мешок не мешок, а уж парочку непременно куплю! Небрежно протягиваю деньги. «Вот этот и вон тот», – естественно, на самые роскошные показываю. Вот это по-нашему: гулять так гулять! Молоденькая продавщица, ну вылитая кукла Барби, глаза на меня таращит, крашеными ногтями машет. Прямотаки дар речи потеряла. Что-то не так?.. Оказывается, все цены – в долларах. По рублёвому курсу – сумасшедшие деньги!

Меня осенило: подальше от Кремля, где иностранцев нет, смотреть надо! В один, другой, третий магазин захожу... Нет, всё равно не по карману. Приуныла было,

а потом успокоилась, как та лиса с виноградом из басни. Без платков так без платков! Ведь всё равно шапки ношу! Хорошо бы, конечно, маме купить, а мне не надо! Фи, не очень-то хотелось...

Думаете, успокоилась? Как бы не так! Такое покажется только тому, кто меня не знает. А уж какая я упёртая, мало кто ведаёт. Сама себе покоя не дам! Стоит только захотеть. Вот так и с диссертацией. Что напишу и защищусь – даже не сомневалась.

Несколько старинных храмов посетила – в Сокольниках, на Соколе, у Кремля. И с верою просила за сыновей. А как наведалься несколько раз в Новодевичий монастырь, операционный шов утих и совсем перестал болеть. Там и окрестилась. Заодно имя православное обрела.

А с платками решила: вот будет санитарный день в библиотеке, съезжу-ка на мануфактуры. Уж там платки точно дешевле столичных! Ведь в Благовещенске, скажем, огурцы и всякая зелень в киоске при теплице дешевле, чем в городских магазинах? Так и здесь – Посад не Москва! А через несколько дней в Ленинке санитарный день объявили. Поехала. И что же? Хожу по Павловскому Посаду, а там иностранцев – что мошки на таёжных марях! У-у-у, буржуи! Со всего света понаехали, и кружат, и выются, как мотыли над Амуром, когда кета нерестится. И здесь цены мне, бюджетнице, не по зубам. Ну что ж... Зато Посад увидела, на платки всласть налюбовалась, музей при фабрике посетила. Уехала в полном восхищении и с гордостью за родную державу: знай наших! Не лыком шиты!

Пересела с пригородной электрички в метро. Еду довольная. Выхожу, а на станции женщина подходит и шепчет:

– Хотите павловский платок подешевей купить? – Вот вам крест, так и сказала с ударением на предпоследнем слоге – *подешевей*.

Я опешила: как она угадала, что я о платках думаю? Мистика какая-то! Прямо не по себе стало. Не удержалась, головой киваю: мол, конечно, конечно, кто не хочет! В первый момент не испугалась. В ту пору вся Москва импортом торговала как раз у входов в метро. Не раз слышала, как приезжие в толпе шептались: «Гуманитарку всей России присылают, а москвичи, как всегда, всё захапали. Сталина на них нет!»

– А можно посмотреть? – спрашиваю.

– Да вы что? – шепчет испуганно женщина и оглядывается. – Тут милиция кругом. Отойдём в сторонку.

Мне бы насторожиться да скорей от злополучной торговки прочь, а я как зачарованная за ней иду. А сама думаю: обманет ведь...

– Может, платок-то ненастоящий, подделка? – говорю с сомнением.

– Да вы что, женщина! Обижаете. Я на фабрике работаю. Зарплату не деньгами, а платками дают. Бартер, чёрт бы его побрал!

Таинственная незнакомка, оглядевшись, вытягивает из чёрного пакета краешек платка. Я тоже оглядываюсь, а потом трогаю, мну ткань пальцами – чистая шерсть! По чёрному полю алые цветы да листья. Ясно – самый настоящий, павловский!

– Ну вот, а вы не верили.

– Сколько просите?

– На бутылку.

– Ой, а сколько это?

– Да сто хватит, – говорит женщина.

– Всего сто? – глупо переспрашиваю я, вспомнив долларовой ценник.

– Хочешь больше дать? Не откажусь, – говорит торговка, осмелев, и прячет красоту в чёрное нутро пакета. Поворачивается уходить. Я лихорадочно соображаю.

– Возьмите! – говорю торопливо и протягиваю две сторублёвки.

Женщина отдаёт пакет, берёт деньги и быстро растворяется в толпе. И только теперь запоздало пугаюсь. Ну почему, почему, чёрт возьми, хорошая мысль приходит опосля? А вдруг она мне просто лоскуток показала, а в пакете вовсе и не платок, а тряпьё? Ну да, невесомым пакет не назовёшь. Ежу понятно – там старое тряпьё или ветошь! Вот есть у меня ум или нет? Муж недаром говорит: «У тебя на лбу написано: обманите меня!». Да я с таким транспарантом – находка для столичных мошенников! Ну просто лакомый кусок.

Рассуждаю дальше: если торговка меня обманула – это полбеда! А если в пакете на самом деле платок – и он ворованный? Почему она шёпотом про милицию говорила? И всё время оглядывалась? А если за воровкой следили? Теперь я под колпаком с этим чёртовым пакетом? В жар бросило, потом в холод. Надо скорей от него избавиться! Ну да, это же явный вещдок! Ишь, прямо как следователь зарассуждала. Раньше надо было думать, догадливая ты наша! Иду, лихорадочно ищу глазами, куда бы пакет сунуть. На собственной шкуре почувствовала, что пережили герои фильма Шукшина «Печки-лавочки». Так то – в кино, а у меня всё в натуре, что называется, без каскадёров. Подошла к урне. Народ кругом. И все на меня смотрят! Метнулась дальше. Озираюсь, клянусь себя на чём свет стоит. Какого чёрта связалась с воровкой? За скупку краденого судить будут. Арестуют... В академию сообщат... Кто с преступницей общаться захочет? Плакала моя диссертация. С работы погонят... А дети узнают... Интересно, поддержат они меня в такой беде? Тьфу-тьфу, чур меня, нечистый попутал...

Подошла к гостинице. Вспомнила про пастора Шлага из «Семнадцати мгновений весны». Ну да, надо убедиться, нет ли за мной хвоста. Это ж надо, какая предусмотрительная, дальше некуда! Села на лавочке в сквере напротив, пакет сверху сумочкой прикрыла. Сижусь, бдю (на нервной почве даже некодифицированные глагольные формы в ход пошли). Внимательно наблюдаю за выходящими из метро и входящими в гостиницу. Почти час просидела – никого, слава Богу. За это время окончательно удостоверилась, что надписью на моём лбу мошенница воспользовалась по полной программе. Мстительно, мазохистски, выношу окончательный приговор: так мне и надо! Дураков не сеют, не пашут, они сами родятся, как мама говорила.

Утешаюсь: спасибо, что легко отделалась и в милицию не загремела. Бог с ними, с двумястами рублями!

Не велики деньги. Это плата мошеннице за курсы повышения бдительности, чтобы я впредь умнее была. Встала со скамейки и пошла, как приговорённая. Зашла в комнату. Предусмотрительно закрылась на ключ и потянула содержимое из пакета. Тяну, тяну за край – а платок всё не кончается... Ух ты! Да здесь не один, а целых четыре полшалка – сплошным полотном! По чёрному полю – невиданной красоты алые цветы с бутонами на фоне зелёных листьев всяких оттенков. Остаётся порезать на платки, подшить края да кисти привязать. Ой, да здесь ещё что-то? Распахиваю пошире пакет-самобранку, а там – ярко-оранжевый платок с восточным орнаментом. Мне и такой хотелось! Красивый – глаз не отвести! Вот это да! Не было ни гроша да вдруг алтын! Стыдно стало, что так плохо о щедрой торговке думала.

Под утро просыпаюсь – и тут меня осеняет: так это же мне тайный знак! Всё задуманное с лихвой испол-

нится. В точности как с платками получилось. Ведь не они – главная цель моего пребывания в Первопрестольной. Они – только знак свыше...

И точно. Онкология куда делась – врачи глазам не поверили. Через год кандидатскую защитила, доцентом стала. С места в карьер докторская как по маслу пошла. Профессорское звание присвоили, о котором и не помышляла. И от мужа-негодяя ушла. Ну да это отдельная история. А тут скажу только, что при разводе обобрал он меня до нитки. Оставил без крыши над головой и в чём мать родила.

– Я бы тебе и отдал что-нибудь, – сказал мошенник жалостливо, – да у тебя ж на лбу...

Стыдливо глаза опустил и руками развёл:

– Кстати, твоя же мать тебя предупреждала, что простота хуже воровства. Видишь, как плохо маму не слушать!

Сергей ВОЛЬНОВИТ

От редакции. Сергей Вольновит родился в 1942 г. на Сахалине. Когда ему исполнилось пять лет, семья переехала на Кавказ, затем в Молдавию, а в 1953 г. вернулась на Дальний Восток – в Благовещенск. Окончив семилетку школы № 2 Благовещенска, Сергей поступил в Хабаровский железнодорожный техникум. По его окончании трудился в депо станции Нижнеудинск Иркутской области. В 1961–1964 гг. служил в ракетных войсках – на Дальнем Востоке, в Приморье, на Украине. После демобилизации окончил Дальневосточный политехнический институт во Владивостоке. Работал главным энергетиком и главным конструктором на заводе, а также в службе релейной защиты «Амурэнерго». В настоящее время преподаёт в одном из учебных заведений Благовещенска.

Творчеством увлёкся в четырнадцатилетнем возрасте, писал стихи, прозу, сочинял сценарии для детских праздников. Заметки, очерки, детские стихи периодически печатались в газетах «Амурская правда» и «Амурский комсомолец», в детском журнале «Малышок». Произведения С. Вольновита разных жанров представлены на электронном портале «Проза.ру».

Публикуемый нами рассказ «Урок» входит в цикл «Рассказы Ивана Петровича».

Урок Рассказ

Мне было лет девять. Жили мы тогда в Галевке. Дядька Василий – Василий Кириллович, наш сосед, бригадир овощеводческой бригады, в которой трудилась и моя мать, жил в совхозном доме с женой, сыном, невесткой и маленькой внучкой по одной с нами стороне улицы, за забором нашего огорода. Это был мужик лет сорока пяти, небольшого роста, неказистый на вид, шупловатый. Он постоянно курил: я его ни разу не видел без папиросы или самокрутки. При разговоре с ним всегда бросались в глаза редкие, жёлтые зубы, прилипшая к верхней или нижней губе крошка табака, своеобразный прищур глаз, которые как бы всё время старались спрятаться от едкого табачного дыма. А матерщинник он был ужасный! Говорят иногда в шутку, что мат в русском языке нужен «для связки слов», а у него, пожалуй, всё наоборот: нормальное слово лишь изредка связывало матерные. Он не разбирал никого: ни равного себе, ни старшего, ни подчинённого, ни начальника, ни женщину, ни даже ребёнка – крыл всех подряд.

Утро в его доме начиналось с того, что раздавалась громкая отборная матерная брань. Часто после такой «заутренней молитвы» из дома выскакивала заплаканная невестка Василия и поспешно направлялась на работу. А трудилась она в бригаде всё того же дядьки Василия, своего свёкра. Жена Василия Дарья Павловна (для всех просто «Павловна») на брань мужа не обращала внимания, а когда он её допекал, могла ответить в том же духе.

Василия много раз пытались приструнить, но это не давало никаких результатов. Из рассказов взрослых, матери я знал, что дядька Василий был отличным специалистом: знал тонкости выращивания овощных культур, добивался на совхозных полях богатых урожаев моркови, свёклы, лука, кабачков и многого другого. Наверное, поэтому с ним считались и терпели его несносный характер и матерщину.

Женщины из его бригады тоже к Василию со временем по привычке и особо не реагировали на подобное